Пролетарии всех стран соединяйтесь.

25 лет первой революции.

(Сборник Истпарта Башобкома ВКП[б] посвященный 25-летнему юбилею революции 1905 года).

Уфа—1930 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВОСПОМИНАНИЯ

о работе в Уфимской организации в 1903—1906 г.г.

В работе Уфимской организации с. д.— большевиков я начал принимать участие в 1903 г. Это участие в то время выражалось в распространении нелегальной литературы, а затем в попытке вести занятия с кружком рабочих-железнодорожников.

Первые шаги по распространению литературы состояли в рассылке прокламаций в центральной части города по определенным индивидуальным адресам, главным образом—земцам и другим „сочувствующим". Пришлось выполнить и одно более крупное поручение—отвезти корзину с литературой в гор. Белебей. Поручение было выполнено удачно, но лицом, встретившим меня на станции в Белебее и направившим дальше, был не кто иной, как Распопов, впоследствии оказавшийся провокатором.

Припоминаю и получение мною тюка нелегальной литературы присланной для Уфимской организации из Самары, с товарищем, который, явившись с саквояжем, наполненным литературой, на мою квартиру, привел меня в немалое смущение, сказав пароль, который был к этому времени уже отменен, о чем Самара своевременно была извещена. Пришлось делать вид, что здесь, вероятно, произошло какое-то недоразумение, что саквояж вероятно принесен ко мне по ошибке, но что впредь до выяснення „недоразумения" его, конечно, можно у меня оставить и т. д. Дело и на этот раз обошлось благополучно и литература попала по назначению.

Иначе кончилась моя первая попытка работать в качестве пропагандиста. Мне поручили вести кружок из нескольких человек железнодорожных рабочих и познакомили с одним из них, который показался мне очень симпатичным парнем и с которым я условился о времени и месте нашей первой беседы. Мы условились встретиться в воскресный день около водокачки, чтобы оттуда переехать Белую на лодке и обосноваться для беседы где—нибудь в лесу. Когда я пришел у водокачке, я увидел на скамейке возле него какого-то незнакомого мне парня и двух-трех человек поодаль. Так как в воскресный день здесь постоянно проходили и рабочие и учащаяся молодежь, чтобы взять внизу лодку для катанья по Белой и Деме, то я не рискнул вступить в разговоры с незнакомым человеком и посидев некоторое время на скамейке,

вернулся обратно в город. Наша беседа не состоялась. Вскоре после того, в ночь на 19 сентября, был произведен ряд арестов, в том числе был (впервые) арестован и я, по обвинению в принадлежности к с.-д. организации. На допросе жандармский ротмистр, утверждая, что в день, когда я был у водокачки, я встретился там с рабочими и вел с ними беседу на противоправительственные темы. Не отрицая того, что я не раз бывал у водокачки, я с тем большей категоричностью отрицал приписываемую мне беседу, что ее и на самом деле не было. Были ли неточные сведения у охранки, или ротмистр хотел меня поймать, осталось для меня неизвестным. Но уже, будучи в тюрьме, я узнал, что рабочий, с которым меня познакомили и который мне показался таким симпатичным, оказался провокатором и выдал меня и ряд других товарищей. Как мне передавали, он потом уехал из Уфы и перевелся в Красноярские железнодоржные мастерские. Если не ошибаюсь его звали Михаилом Ивановичем.

Просидел я тогда в тюрьме, больше 8-ми месяцев, из них четыре в одиночке, а остальное время—в общей камере с т. т. С. Ф. Горденином, В. А. Клюевым и Н. Г. Вагиным. При выходе из тюрьмы недели через две снова был арестован для отправки по этапу в Стерлитамак. В Стерлитамаке пробыл под надзором полиции примерно с июня 1904 г. до мая 1905 г. и затем оттуда скрылся, перейдя на нелегальное положение.

В побеге из Стерлитамака мне оказали помощь С. В. Хлебников, снабдивший меня своим паспортом (который я в Самаре передал в местную организацию, получив взамен фальшивку), и А. И Панов, который довез меня на своей лошади до ст. Шафраново.

До конца 1905 г. я пробыл на нелегальном положении, работая сначала в Петербургской организации, а затем в Харьковской, там и здесь заведуя нелегальными типографиями.

В конце декабря 1905 года я вернулся в Уфу и тотчас же проехал в Стерлитамак, расчитывая, что после революции и амнистии мне удастся получить паспорт (я числился Стерлитамакским мещанином). Никакого удивления и никаких справок, кроме справки о недоимке по подушному сбору, моя просьба о выдаче паспорта со стороны служащих мещанской управы не вызвала и я, уплатив сколько—то рублей и копеек недоимки и пени, с удовольствием ощутил в руке долгосрочный паспорт и немедленно же вернулся в Уфу.

Здесь я снова принял участие в работе большевитской организации, при чем мне была поручена связь с партийной типографией. Типография наша тогда помещалась на углу бол. Успенской и Сибирской, Наборщиками и печатниками в ней были двое нелегальных—муж и жена (ни фамилий ни кличек

их я не припомню) и т. А. А. Юрьев. Это помещение, выходившее на две улицы, было однако, не вполне удобно в конспиративном отношении, ввиду чего была подыскана другая квартира, более удобная, на большой Ильинской, улице, в не большом отдельном флигеле в глубине двора Ахтямова. Здесь жили затворниками названные три товарища, а я доставлял им рукописи и бумагу и уносил продукцию. Работа шла хорошо и дружно. Особенно помогло нам получение нового шрифта. Дело в том, что уфимские боевики, произвели очень удачный налет на типографию бывшего уфимского городского головы Зайкова и экспроприировали, кажется, около 15-ти пудов шрифта, которым был набран номер Уфимской Земской газеты. Часть этого шрифта была передана в нашу типографию. Помню, как я ездил на лошади члена городской управы Деева и вместе с его сыном, за город, к „воронкам", где в одной из ям, согласно данным нам указаниям, мы нашли под кустами в траве мешок со шрифтом, который и привезли в город на указанное нам место. С получением этого шрифта нашей организации удалось наладить издание своего органа под названием «Уфимский Рабочий». Газету выпускали примерно раз в две недели, на четырех, а иногда и шести страницах обычного писчего формата. То—то мы торжествевали: своя газета, обслуживающая и Уфу и уральские заводы! Тираж газеты был около 2—2½ тысяч экземпляров, но один номер, не помню в связи с чем, был выпущен в количестве чуть ли не 10.000 экземпляров. В редакцию газеты входили: Н. П. Брюханов, не легальный тов. Петр (фамилии его я не помню), затем—я и, возможно, кто—нибудь еще из товарищей (тоже не могу припомнить). Как хотелось бы теперь, почти через четверть века, взглянуть хоть на один номер этого нашего детища.

Кроме газеты, мы печатали, конечно, и отдельные прокламации и издали сборник революционных песен, который был очень тепло встречен.

Бумагу для типографии я закупал у „сочувствовавшего" (тогда) нам заведующего земским книжным складом Малеева, а типографскую краску добывали в местных типографиях через рабочих. хотя когда с этим делом однажды вышла заминка, помнится, пришлось добывать краску из Самары.

В одном из номеров „Уфимского Рабочего" мы давали отчет о нашей издательской работе за год и итог, по нашим тогдашним нелегальным масштабам и возможностям, получился довольно внушительный.

Одно время возникло опасение, что за нашей типографией ведется слежка. Тотчас же было отряжено несколько человек из боевиков для контр—слежки за соответствующим

участком большой Ильинской улицы. По их данным оказалось что все обстоит благополучно.

Летом 1906 года организация получила сведения о готовившихся арестах. Было решено, что ряд товарищей раз'едутся из Уфы. Я тоже уехал, до осени работал в Оренбурге (состоял членом редакции легальной с. д. газеты „Степь" и вел пропагандистскую работу в кружках).

Осенью вернулся в Уфу, вел кружок из учащихся. В конце декабря 1906 г. был командирован от Уфимского Комитета представителем на конференцию в Златоуст.

Вот вкратце все, что я могу сказать о своей работе в Уфимской организации за период 1903—06 г. г.

В заключение постараюсь восстановить в памяти фамилии товарищей, с которыми тогда приходилось встречаться по работе в нашей организации: Байкова, Лидия Ивановна, Покровский, Николай Николаевич (убил Пеляка и покончил с собой).

Покровская, Мария Казимировна, его жена.

Мишенин, Герасим (был делегатом от Уфимского К-та на втором парт'с'езде в 1903 г.

Кокосов, Генадий Иванович.

Кокосов (брат Генадия).

. . . . Елена Ивановна (квартирная хозяйка Кокосовых, фамилию не помню).

Гарденин, Сергей Федорович („Грач").

. . . . («Ерш»). (ссыльная).

Попова, Юлия Алексеевна (Ахтямова).

Лихачев, Василий Матвеевич („Карась").

Гудзь, Игнатий Корнилиевич (был тогда, в 1903 г. меньшевиком).

Плотникова, Любовь Яковлевна (у нее был архив, сослана в Сибирь).

Фомина, Любовь Ивановна.

Зайцева, Мария Николаевна.

. . . . (муж и жена, нелегальные, работавшие в парт. типогр.).

Юрьев, Аким Александрович.

Юрьев Сергей Александрович.

Галанов, Виктор Дмитриевич.

Брюханов, Николай Павлович („Андрей").

Накоряков, („Федор", „Назар", „Пулемет".)

Крысин („Влас").

Черепанов Лука,

. . . . . его жена Мария Алексеевна

. . . . . его брат (имени не помню)

Петр (приезжий, нелегальный, фамилии не знаю, член редакции „Уфимский Рабочий").—„Романыч" настоящая фамилия Митрофанов. Примеч. Истпарта

Потоцкий, Владимир Михайлович.

Его жена—Полина.

Калягин, Николай Иванович.

Плотников, Андрей Иванович (служащий Вячкилева).

Шишкина, Мария Сергеевна.

Соловьевы (муж, и жена, нелегальные или сосланнные в Уфу).

Брагин, Александр Максимович.

Архангельский, Василий Викторович.

Клюев, Василий Алексеевич—прилагается фотографическ. карточка.

Бройдо, (земский статистик).

Терегулов, Гумер (учитель).

Чернявский, (земский служащий, у него был склад литературы).

Масленников. (ученик Землемерн. учил.).

Стрежнев, Сергей Дмитриевич („Дьякон").

П. ГРИГОРЬЕВ.

10 июня 1930 г.

